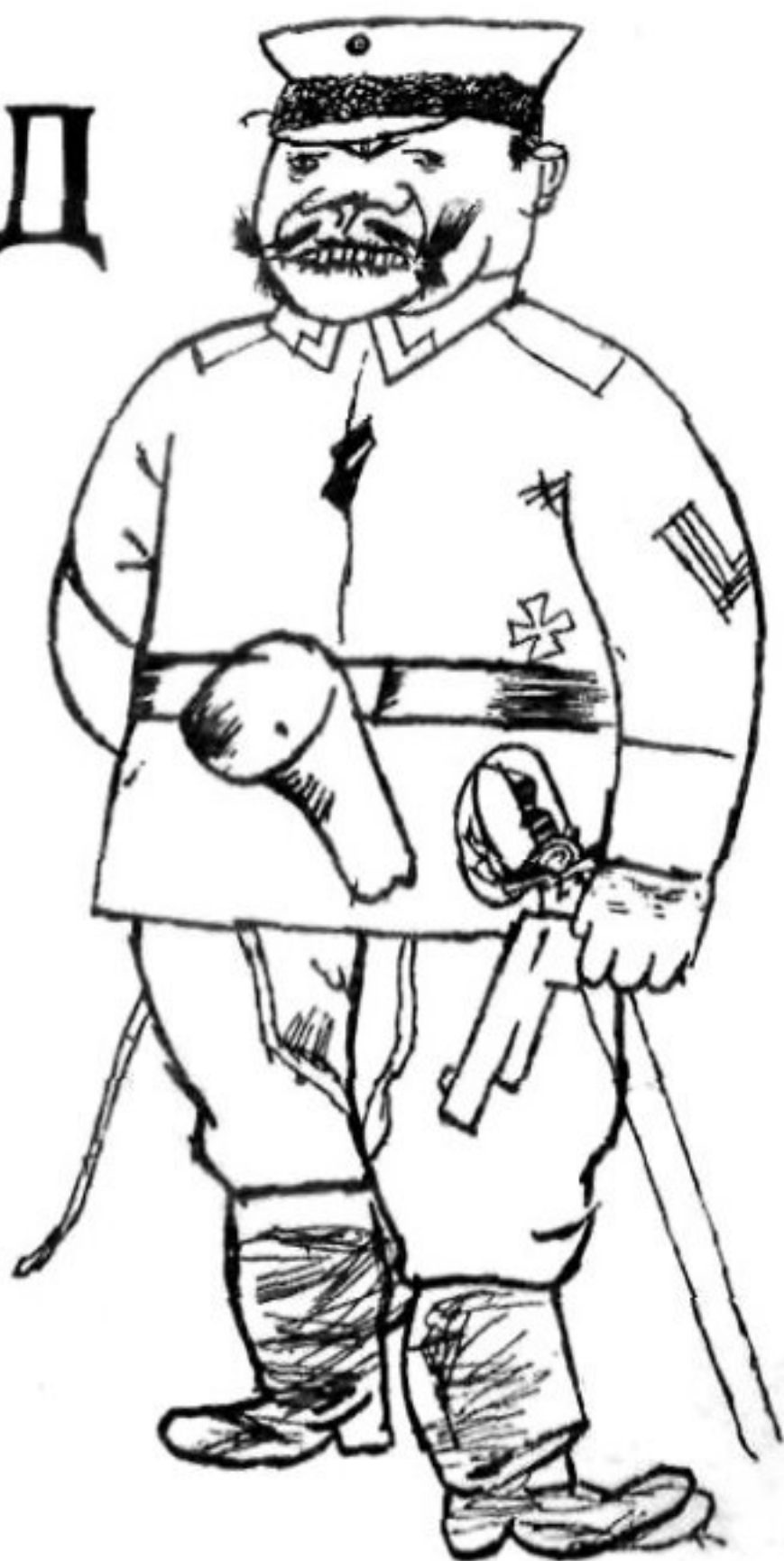

РЕН. Т. МАРК

МЕСС- МЕНД

ВОЖДЬ ГЕР-
МАНСКОЙ ЧЕКА

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 17

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСПОЛИГРАФА * МОСКВА

Вышедшие книжки Библиотеки „Огонек“.

ДЖОН РИД

**ВОЙНА
С КОЛОРАДО**

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЬКА“
№ 7
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСКОВИГРАФ

НИК. КАШКАРОВ

**РАССКАЗЫ
ОБ ОКТЯБРЕ**

Предисловие Е. БИЧКА ЛОХУДИ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЬКА“
№ 9
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСКОВИГРАФ • МОСКВА

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ
РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЬКА“
№ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСКОВИГРАФ

ЛАРИССА РЕЙСНЕР
**АЗИАТСКИЕ
ПОВЕСТИ**

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЬКА“
№ 10
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСКОВИГРАФ • МОСКВА

РЕН. Т. МАРК.

МЕСС-МЕНД— ВОЖДЬ ГЕРМАНСКОЙ ЧЕКА

Перевод с немецкого.

Издательство „ОГОНЕК“

Москва — 1925

Отпечатано в 13-ой тип.
„МОСПОЛИГРАФ“
„Мысль Печатника“,
Москва, Петровка, 17,
в количестве 50.000 экз.
Главлит № 35208.

**МЕСС-МЕНД —
ВОЖДЬ ГЕРМАНСКОЙ ЧЕКА**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Общественное мнение трудящихся всего мира взволновано было провокационным актом германского правительства — процессом «германской чека» в Лейпциге.

Немецкий коммунистический журналист Рен. Т. Марк в остроумной сатире жестоко высмеивает жестокость и усердие германской полиции, создающей несуществующие заговоры и выдумывающей пинкертонскую чертовщину для того, чтобы посадить на скамью подсудимых немецких коммунистов. Для этого он воспользовался ироническо-авантюрной формой русского приключенского романа «Месс Менд», имевшего в Германии большой успех.

Когда читатель будет смеяться над очками, превращающимися в лифт и кроликом, «начиненным бациллами», пусть он не забывает, что за галиматью, подобную этой, немецкое «демократическое» правосудие отправило в тюрьму ряд коммунистов.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Уже несколько месяцев перед этим германские буржуазные и меньшевистские газеты стали распространять слухи, что в германской коммунистической партии существует террористическая группа, так называемая «Чека», которая по заданиям центрального комитета партии организует, якобы, покушения на видных буржуазных политических деятелей.

Газеты сообщали, что было намечено убийство крупнейших германских промышленников, командующего войсками генерала Секта и др.

Ныне слушающееся дело является одним из этапов целого периода борьбы буржуазии с компартией.

Рабочие волнения в Германии в октябре 1923 года сильно напугали германскую буржуазию, поставив ее перед возможностью коммунистического переворота. Буржуазия принимает срочные меры: она подкупает и вводит в коммунистическую партию ряд провокаторов. Организация этих провокаторов работает параллельно с агентами полиции, подчас

даже конкурируя и враждуя с ними. Для того, чтобы держать буржуазию в постоянном страхе, провокаторы не скупятся на измышления о зверствах выдуманной ими «ЧК» и не останавливаются даже перед убийствами и членов своей же организации, которые им почему либо становятся на дороге. Так, ими был убит известный полицейский шпион и провокатор-парикмахер Рауш. Это убийство и было положено в основу ныне разбирающегося дела. Буржуазия воспользовалась им для того, чтобы спровоцировать коммунистическую партию и лишний раз оклеветать ее.

Но буржуазные судьи на этот раз просчитались.

По плану, задуманному буржуазией, главный обвиняемый — провокатор Нейман, должен был на суде выступать в роли коммуниста и главаря этой пресловутой «ЧК». Но во время допроса об организации покушения на генерала Секта Нейман вдруг заявил, что в действительности он вовсе не собирался допустить убийство. Точно такие же заявления были им сделаны и во время допроса об организации других покушений. На вопрос председателя, почему он об этом не заявлял на предварительном следствии, Нейман отвечает: «боялся коммунистической партии. Коммунисты уже давно подозревали, что я провокатор».

Когда защита задает ему вопрос, почему он боялся говорить об этом на предварительном следствии, а теперь не боится открыто предать коммунистическую партию, Нейман путается в объяснениях и, в

конце-концов, заявляет: «Я не предал бы коммунистической партии, если бы меня не заклеили, как шпиона».

Признание Неймана вызывает недовольство председателя суда и прокуратуры, ибо оно разрушает их планы.

Главная опора буржуазного суда—Феликс Нейман разоблачил сам себя. Прозокация не удалась.

ЗАЧЕМ Я ПИСАЛ?

Я позволю себе предупредить читателей: это введение я пишу для того, чтобы сообщить вам историю возникновения этой книжки и привести доказательства правдивости моего рассказа. Он построен на чистейшей правде. Теперь у нас совершенно не остается времени на романтические приключения; наше свободное время, которое мы отдаем на удовольствия, так полно всяких обязанностей — то мы должны пойти в театр, то нас ожидает концерт или званый вечер — одним словом, мне не приходится доказывать вам, как сильно надоедают германским рабочим удовольствия и развлечения. В этой книге я обращаюсь к ним. Я не отниму у вас драгоценного времени, но вы должны меня выслушать. Речь идет о вашем собственном благополучии. Дело касается важных вещей.

На чем я остановился? Да, на истине. Мне хочется вам сообщить, что в долгие жуткие бессонные ночи я мучился над вопросом о том, должен

ли я рассказать о происшедших в последние месяцы в Германии ужасных, волнующих событиях. Они происходят и в настоящее время! Я мучился над тем, имею ли я право нарушить мир и покой вашей жизни. Наконец,— поверят ли мне? Не отнесутся ли к моему рассказу, как к вымыслу больной фантазии?

Вы должны мне поверить и вы мне поверите. Разрешите мне вам представиться. Моя фамилия Марк: я фашист, германский патриот, борец за то, что только немецкая нация действительно истинная и значительная. Вдохновенный почитатель генерала фон-Секта. Неужели я все еще не добился вашего доверия? В таком случае я постараюсь рассеять последние сомнения и скажу вам, что и готов привести какие-угодно доказательства правдивости моего рассказа. Эти доказательства были проверены высочайшими инстанциями самым тщательным образом и признаны заслуживающими полного доверия. Слушайте: высшие судебные органы в Германии вынуждены были оказать полное доверие моему рассказу. Их незаинтересованность, пронизательность, мудрость и ловкость не вызывают никаких сомнений. Однако, из вполне понятных соображений высшие инстанции медлили предать широкой огласке результаты своих исследований и подробности этих событий. Помимо этого, они, несомненно, боялись что с этих пор всякий мужчина, всякая женщина, всякий ребенок в Германии утратят сон и покой, если услышат, какие ужасающие

преступления могут происходить ежедневно здесь в центре Европы, на глазах лучшей в мире мильшей полиции, и что преступники находятся на свободе. Но я предупреждаю вас, мы бродим в слепую на краю обрыва, миллионы людей обречены на смерть, на ужасную, мученическую смерть, жизнь нашей любимой родины в опасности!

Я должен рассказать вам все по порядку. Будьте хладнокровны, подумайте о том, что вы можете найти защиту и спасение, если будете в курсе преступных планов и целей, направленных против вас и против всех нас,— и не читайте эту книгу на ночь.

ЛЕТАЮЩИЙ АВТОМОБИЛЬ.

Холодный, туманный октябрьский вечер. Тонкими нитями моросил дождь, окутывал Берлин мокрой шалью; казалось, город содрогается от холода. Одиннадцать часов вечера. Люди выходили из театров и с концертов и торопились к автобусам и трамваям, дрожа и щелкая зубами от холода, чтобы поскорее очутиться в своих теплых квартирах, полицейские спасались от холода, но твердое сознание своих обязанностей удерживало их на постах; с образцовым героизмом, не обращая внимания на грозящую опасность, они следили за движением и сутолокой. Они утешали себя тем, что в течение дня уже произошло два крушения на городской железной дороге, четыре несчастных случая с автобусами и десять столкновений, и это давало им надежду, что они, по всей вероятности, проведут спокойно те несколько часов, которые оставались до следующей смены, однако, храбрые полицейские не могли убаюкать такими же надеждами свои урчащие животы, они бунтовали, не соглашались ни на какие доводы, и полицейский

Мюллер, стоявший на посту на углу Линденштрассе и Вильгельмштрассе, даже поймал себя на преступной мысли, что, в сущности, мало вины было со стороны тех женщин, которые в послеобеденное время обокрали несколько хлебных лотков на Гакенском рынке и, в виде десерта, получили за это несколько синяков. Да, такая собачья погода иногда влечет за собой неприятные последствия. Полицейский Мюллер вздохнул, покраснел со стыда за свои предательские мысли и начал усердно глотать слюну, чтобы заглушить глупый голод.

Тишина и запустение на Вильгельмштрассе. Редкие огни распространяли слабый свет, освещенными были только небольшие кружки вокруг них; вся улица была погружена в полный мрак.

Медленно, осторожно выступил из тьмы человек, несколько раз оглядел улицу, посмотрел направо и налево и медленно пошел по Линденштрассе.

Я не поэт и не люблю, когда в рассказ вводятся сенсационные трюки. Я не хочу испытывать ваше терпение. Я надеюсь, что вы догадаетесь, кто этот человек, бродивший в дождливую ночь по Вильгельмштрассе, если я расскажу вам, что он был молодым великаном, его тонкое, одухотворенное лицо говорило об уме и энергии, а сияющие, голубые глаза — о доброте и истинно немецком идеализме, и шел он тем эластичным шагом, который столько раз восхвалял «Локальанцейгер». Я надеюсь, вы уже догадались, кто он.

Юный рейхсканцлер с трудом оторвался от своей работы, над которой сидел в течение долгих часов. Ему необходимо было поразмяться, прежде чем снова взяться за работу. Рейхсканцлер был в плохом настроении. «Я не знаю покоя в течение долгих недель и месяцев», — подумал он, — «приношу в жертву мои нервы, мое здоровье, все мои помыслы и не встречаю признания и похвалы. Мои монархистски-настроенные друзья считают мою медлительность трусостью и неуверенностью. Они настаивают на том, чтобы я скорее приступил к созданию обещанного королевства. Нетерпеливый кронпринц уже начинает первые атаки в цирке Бреславля и его жена мучит его, требуя, чтобы он устроил первый придворный бал в Белом зале. Мои прежние друзья из коалиции центра настроены недружелюбно по отношению ко мне, так как некоторые концерны, в которых они заинтересованы, остались ни с чем при раздаче Рура. Фактически, верной по отношению ко мне остается только партия социал-демократов. Но к чему это, когда коммунистическая партия все время растет и крепнет? Этих молодцов, действительно, нельзя уничтожить. Даже самый раскол им не повредил. За ними находится большая и таинственная сила, и ее опасность не может охватить мой мозг, несмотря на то, что замечательные предложения по организации розничной продажи пива в Германии принадлежали ему».

Погруженный в глубокие размышления, выдающийся покровитель германской розничной торговли

пивом хотел повернуть обратно, чтобы возвратиться в министерство иностранных дел, как вдруг — произошло что-то странное. Сначала в воздухе раздался звук, похожий на шум пропеллера. Неужели это аэроплан находился в пути в такой поздний час? Рейхсканцлер инстинктивно поднял голову. Ничего — черная мгла. Но шум неожиданно перешел в своеобразное шуршание. И снова в воздухе прозвучало так, как будто какое-то большое тело пробивает себе дорогу по воздуху с страшной быстротой. Прежде, чем рейхсканцлер успел собраться с мыслями и определить странные шумы, из ночного неба вертикально упал на землю автомобиль, перевернулся, как кошка, которую выбрасывают в окно и которая, как известно, всегда падает на ноги, и остановился прямо перед рейхсканцлером. Это была большая, крытая машина, ее внешний вид совершенно не выдавал ее своеобразной конструкции. Не было видно ни пропеллера, ни крыльев — обыкновенный автомобиль, похожий на все остальные, и только его окраска — ярко-алая, от которой исходило сияние, обращала на себя внимание.

Автомобиль остановился; человек в кожаном костюме отворил дверцы и спрыгнул на мостовую. Он потянулся так, как потягивается человек, вынужденный долго сидеть на одном месте, и снял шапку — при свете ближнего фонаря рейхсканцлер увидел отталкивающе-уродливое лицо. Его лоб пересекал ярко-красный рубец; от этого рубца соз-

давалось такое впечатление, как-будто голова была рассечена на две части и только впоследствии снова составлена. Вз'ерошенная борода обрамляла бледное лицо, которое дышало необузданной дикостью от пары мясистых, вздутых губ.

Человек быстро натянул на голову свою автомобильную шапку, как-будто ему было неприятно, чтобы его кто-нибудь увидел, вынул часы и поставил их под свет фонаря.

— Одиннадцать часов, пять минут, 25 секунд, — сказал он, — мы опять опоздали на пять секунд, Петров.

Тот, которого называли Петровым, человек у руля, пробормотал извинение.

— Семь секунд опоздания при таком кошачьем прыжке, как из Москвы в Берлин. Это неслыханно. Что я должен думать?

Но прежде, чем Петров успел ответить, снова открылась дверца и из автомобиля выскочила молоденькая девушка. Она была одета в такой же автомобильный костюм, но так как на ней не было шапки, ее лицо оставалось открытым.

Рейхскацлеру показалось, что он никогда в жизни не видел еще до сих пор такой красивой женщины. Черные, коротко-остриженные волосы обрамляли личико, на котором горели сдержанным пылом и страстью глаза, и кокетливо и плутовски торчал вздернутый носик. Она казалась тонкой, как юный мальчишка, типа американской спортсменки. Большой бриллиант, величиной с огромные часы на башне

ные-Йоркского государственного совета, заблестел на ее руке, когда она ударила по плечу уроды.

— Успокойся, Макс, мы нагоним семь секунд по дороге в Штутгарт.

Тогда едем, а ты, Антон, — человек наклонился к дверце и сказал вглубь автомобиля, — ты явишься завтра в восемь часов на обсуждение со всеми бумагами и документами, которые нам нужны. И не забудь взять с собой чек. 710 миллионов марок золотом. Едем.

Тот, которого называли Антоном, вышел из автомобиля. Это был обросший волосами человек, который больше походил на обезьяну, чем на человека. Его худые и длинные руки почти касались земли. Он выкарабкался на улицу, потом обернулся, поднял из глубины автомобиля большой мешок и швырянул его на мостовую. Может-быть, это было только из-за неверного света, — канцлеру показалось, как-будто что-то зашевелилось в мешке, и вслед за этим раздался тяжкий, сдавленный стон. От этого стога у господина рейхсканцлера прошла волна ужаса по спине, и он почувствовал, как зашевелились волосы на его голове. Через несколько секунд его сердцебиение улеглось.

В течение этих нескольких секунд произошло следующее: молодая девушка поцеловала горбуна в лоб, схватила уроды об руку и втянула его в автомобиль. Человек, сидящий у руля, надавил рычаг и автомобиль взвился ракетой прямо в ночное небо.

Прежде, чем канцлер успел опомниться, исчез автомобиль, и от горбуна не осталось и следа. Как будто сквозь землю провалился. Если бы не мешок, который лежал на мостовой, рейхсканцлер принял бы все, что он только-что видел, за дикий сон.

Канцлер вырвался из своего оцепенения и осторожно приблизился к мешку. Он не был завязан. Канцлер толкнул его носком, он откатнулся на несколько шагов в сторону — показалась голова мужчины: бледное лицо, белокурые, выющиеся волосы, глаза широко раскрыты и пристально смотрят на канцлера. Но вокруг его рта трепещет ужасный смех и все лицо скошено в дьявольскую гримасу.

— Встаньте! — говорит канцлер, и напрасно старается придать своему голосу твердость. — Встаньте же! Вы ведь не погибая часть немецкой национальной партии рейхстага. Что вы делаете в мешке?

Человек не пошевелинулся, его глаза раскрыты — он скалит зубы.

В это время проходит полицейский патруль. Один из полицейских нагибается, хочет помочь человеку встать на ноги; но человек мертв. Те несколько шагов, которые отделяли канцлера от его министерства, он пробежал так, как будто за ним следовали по пятам. Теперь ему все было ясно. Несомненно автомобиль, который он видел, был каретой известного отряда Чека. По сообщениям его надежной политической полиции такая группа уже давно работала в Германии, и теперь, по всей вероятности, подготавливала

новое ужасное преступление против государственной безопасности Германии. Подслушанный разговор раскрыл загадку, каким образом удалось членам русской Чека в сравнительно короткое время переместить арену своих преступлений, несмотря на превосходно поставленное дело пограничного контроля и запрещения на въезд. Когда рейхсканцлер вернулся в министерство, он бросился к телефону. «Полицейское управление!» — прокричал он, задыхаясь, — «полицейское управление Александерплатца!».

Когда у телефона ответил дежурный, и рейхсканцлера соединили с отделением И. А., он снова обрел свое обычное спокойствие и уверенность. Он сделал краткое сообщение о том, что пережил, руководителю политической полиции, который, как и всегда, находился в отделении.

— Случайно я имел возможность проследить только-что новое преступление, организованное, по всей вероятности, отрядом Чека, которую вы так блестяще обнаружили. Из одного автомобиля новейшего образца был только-что выброшен труп на Вильгельмштрассе. Случай дал мне возможность подслушать, что автомобиль продолжает свой путь в Штуттгарт. Мы должны разыскать автомобиль. Несомненно, второй такой-же машины не существует. Постарайтесь выполнить это дело, от этого зависит ваша карьера.

— Штуттгарт? — государственный советник тихонько засвистел в телефон. — Вы говорите, Штуттгарт был конечным пунктом?.. Да ведь на завтра там наз-

начен конгресс отделений артиллерии и одиночных талантов коммунистических сотен центральной Европы.

Разговор прервали. Рейхсканцлер снова попытался соединиться с отделением. Напрасно. Из полицейского управления не было никакого ответа. Канцлер потребовал центральную.

— С полицейским управлением испорчены все провода, — ответила дежурная барышня. Через пять минут он, наконец, добился соединения; к телефону подошел секретарь государственного советника.

— Господин государственный советник час тому назад ушел на расследование нападения, господин рейхсканцлер, я не могу вас соединить с ним.

— Но ведь я только-что с ним говорил, нас прервали.

— Очень прошу извинить меня, господин рейхсканцлер, но это совершенно невозможная вещь. Когда вы пожелали говорить с господином государственным советником, я соединил вас вначале с его комнатой, но сейчас же установил, что там никого не было. Господин государственный советник час тому назад ушел домой.

— Чорт вас дерн, с кем же я в таком случае говорил?

— Месс Менд, — отозвалось из трубки вместе с таким смехом, что рейхсканцлер в ужасе выпустил из рук трубку и инстинктивно ухватился за стоящую всегда наготове бутылку пива.

ТАЙНА ИНДУСА.

Отель «Маркарт» — самый знатный отель в Штуттгарте. Пушистые ковры устилают широкие залы и заглушают громкие звуки. От всего дома веет роскошью и изысканностью, и как только приезжий переступает порог отеля, он сразу погружается в теплую, благоухающую ванну. Портье в блестящих ливреях следят за удобствами каждого гостя и как восточные рабы бросаются на каждый кивок, на каждое движение, чтобы пребывание в отеле было как можно приятнее для путешественников. Огромные зеркала отображают зал с небольшими столиками, за которыми умирают от тоски элегантные счастливые люди, с бесконечной усталостью потягивая свой дорогой кофе. Кельнеры в белых фраках бесшумно перебегают от стола к столу, приносят серебряные подносы с изысканными блюдами — тончайшими, отборнейшими лакомствами — настоящей поэзией поваренного искусства. Девять часов утра, гости сидят за завтраком.

Перед отелем останавливается автомобиль. Из него выходит господин в дождевом плаще. За ним сле-

дует второй, моложе на вид, очевидно, его секретарь. Слуга, сидевший рядом с шофером, срысывается со своего места и хватает маленький дорожный несессер своего господина, из отеля спешит слуга и хочет снять с автомобиля плед и дорожный саквояж прибывшего. Но последний передает ему только свой портфель.

— Спасибо, о чемодане позаботится мой слуга. — Медленными шагами он входит в отель в сопровождении своего секретаря.

В бюро он снимает шляпу, на лоб спадают длинные, белые шелковистые волосы. Волосы и белая борода составляют своеобразный контраст с юношеским бронзовым лицом, подернутым нежным румянцем. Высокий лоб мыслителя, медлительные, усталые движения свидетельствуют о большой знатности прибывшего.

— Мое имя профессор Манаратма Номп. Я телеграфно заказал из Лондона три комнаты.

— Очень хорошо, господин профессор, мы приготовили для вас квартиру в первом этаже.

— Вот мой паспорт, пропишите пожалуйста. — Легкий кивок головы, профессор идет к лифту в сопровождении своего секретаря.

По паспорту профессор родился в Дегли, ему сейчас шестьдесят пять лет, и он предпринимает научное путешествие в Бразилию вместе со своим секретарем, двадцатипятилетним индусом из Калькутты по поручению географического общества обединенного королевства Ирландии и Великобри-

тании. Это дипломатический паспорт, в котором лондонское министерство иностранных дел обращается с просьбой ко всем правительствам оказывать профессору всевозможное содействие.

Приемочное бюро едва успело внести новоприбывших, когда вошли два господина и пожелали видеть профессора. Оба в автомобильных костюмах и больших предохранительных очках.

— Разрешите узнать ваши имена, господа?

— Доложите, д-р Бьянки из Рима и маркиз Дюбуа из Парижа.

Проходит несколько минут.

— Профессор просит.

Вскоре к профессору снова пришли гости. Два господина и одна дама. Все трое были одеты просто, почти бедно, их можно принять за мелких служащих, может быть, даже за рабочих.

Служащие бюро обмениваются насмешливыми, изумленными взглядами. Как сюда попали эти люди? Мальчик у лифта взглянул на них с комическим пренебрежением, и только после того, как профессор дал знать по телефону, чтобы к нему привели гостей, и портье предложил ему поднять наверх их милость — портье произносит это слово с тонкой иронией — маленький мальчишка у лифта выпрямляется так, как будто он хочет посмотреть через плечо на обоих высоких мужчин.

— Что за гостей принимает профессор? — любопытное общество!

— Ах, может быть, это люди, которых он вербует для своей экспедиции, носильщики, или что-нибудь в этом роде.

На этом бы, пожалуй, закончился и был забыт этот маленький инцидент, если бы в этот самый момент не произошло одно странное событие, которое, естественно, нарушило приличие, порядок и покой отеля совершенно своеобразным образом, в чем мы сейчас убедимся.

На середину зала большими прыжками выскочило белое животное, которое в первую минуту показалось всем кошкой. Но когда зверек остановился на несколько секунд посреди зала, все увидели, что это был кролик. Этот кролик был редкой величины и совершенно особенной породы. Его длинные уши, которые он теперь наострил, были похожи на уши осла. Глаза были зеленого цвета, и светились странным, колющим блеском. Как заколдованный человек, кролик внимательно обвел своими зелеными глазами длинный ряд гостей, встал на задние лапки и с бесконечно грустным взглядом скрестил передние лапки на белом животе. Некоторые из гостей засмеялись.

— Какой милый зверек!

— И как хорошо выдрессирован.

— Откуда он появился?

Вокруг кролика образовался кружок любопытных, одна маленькая девочка пыталась подзвать его к себе листком салата, а сын английского консула —

четырёхлетний мальчуган — протянул ему кусочек хлеба.

Но как только девочка попробовала приласкать кролика, он сделал такой дикий прыжок по направлению к ней, что она споткнулась и упала. Испуганная мать начала утешать плачущую девочку, круг любопытных разомкнулся, кролик носился, как бешеный, по всему залу, вскочил на стул, со стула на стол, со стола на шляпу почтенной дамы, с шляпы на лысину высокого господина, у которого от этого сделался удар и он немедленно умер, перескочил одним прыжком через три стола, сбросил несколько чашек и тарелок, которые со звоном разбились, и уселся, наконец, на драгоценной вазе, которая стояла на подставке в углу зала.

Всеобщий испуг, писк и хихиканье, девочка всхлипывает, вокруг нее суетится мать, все говорят, зовут друг друга, сбежались кельнеры и беспомощно стоят вокруг вазы, на которой все еще восседает кролик. В этот момент раздается продолжительный резкий свист. Кролик вздрагивает, бросается вниз с подставки и быстрее ласки мчится между гостей, они с криком и писком разбегаются во все стороны, а кролик мчится к лестнице. На лестнице стоит секретарь и профессор из Англии. Он все еще одет по дорожному, и в руках у него маленький чемодан профессора. Он раскрывает его, и кролик прыгает стремглав в чемодан. Молодой человек сейчас же его замыкает и оборачивается с легким

поклоном к озадаченным гостям. У него мягкий и мелодичный голос.

— Я очень прошу извинения за причиненное вам беспокойство. Это было невоспитанно со стороны всегда доброго и хорошо воспитанного зверька. — Он снова поклонился и побежал наверх по лестнице.

В эlegantном салоне, который занимает индусский профессор, горит электричество, несмотря на предобеденный час. На окнах заботливо сдвинуты толстые шторы так, чтобы ни один луч света не мог проникнуть в комнату. Вокруг большого овального стола лениво развалились в широких креслах посетители, с которыми мы уже имели часть познакомиться. В конце стола пустует большое кресло, как будто оно оставлено для председателя этого маленького собрания. На другом конце стола сидит профессор на низкой скамеечке, скрестив по-восточному ноги. Теперь он в мягком, широком халате из белого шелка, скрепленного у пояса драгоценной жемчужной цепью. В центре стола возвышается странное сооружение. Оно выглядит, как большой стеклянный колокол, опрокинутый на мраморную плиту. Под колоколом мечется что-то черное. Это маленькая крыса.

— 9 часов 30 минут, мы можем начинать, — говорит Бьянки. — Мы все в сборе.

— Он будет сегодня? — спросил один из рабочих, которые пришли последними.

— Что у тебя всегда за вопросы? — красный рубец на лбу Бьянки — вы, конечно, сразу угадали, что

это человек из летающего автомобиля, превратившийся из мрачного Макса в изящного итальянца — красный рубец начал угрожающе наливаться. Разговоры немедленно стихли.

— Мы еще должны подождать Машу, — робко заметил Дюбуа, но сейчас-же прикусил язык, как будто он испугался, что сказал слишком много, и виновато опустил красивую голову под злым взглядом Бьянки.

— Я уже здесь. — прозвучало с потолка, и по тонкой веревочной лестнице, которую до сих пор никто не замечал, спустился молодой индус — секретарь профессора, гибким движением соскочил на землю, легко провел рукой по волосам, сложил веревочную лестницу, в виде записной книжки, сорвал маску — у стола рядом с большим председательским креслом заняла место Маша, красивая девушка, с которой мы познакомились ночью на Вильгельмштрассе. Она постучала карандашом по столу.

— Менд Месс, — сказала она.

— Месс Менд, — ответили хором присутствующие.

— Повторим наш лозунг, чтобы Е. Р., где-бы он сейчас ни находился, знал, что мы думаем о нем, что мы останемся верными нашему долгу в настоящей и будущей жизни.

Маша встала, встали и все присутствующие, и хором произнесли дикое, воинственное заклинание.

«Мы мстим, убиваем, отраву шлем,
Шпалерами к смерти ведем, ведем.
Клянемся плодить бациллы чумы,

Холеры и тифа в брюхах Германии.
Преступленья, убийства, хаос — Пока
Пуля и мор не сметут врага.
Проклятие, смерть ненавистным, им, —
Мы, Чина белого кролика. — Аминь».

— Слово принадлежит товарищу Номи.

Профессор поднялся, облокотился своими узкими руками о стол и начал:

— Товарищи. Мы получили его приказ. Существовавшие до настоящего времени небольшие плантации бацилл больше не отвечают возрастающим требованиям. Необходимо расширить дело разведения бацилл. Необходимо завоевать для этого дела новую территорию и расширить культивирование бактерий. Лебединый остров свободен. Этот остров со всех сторон омывается пресной водой и чрезвычайно удобен для наших целей. По нашему поручению товарищ должен немедленно начать переговоры о том, чтобы остров перешел в наше распоряжение, с центром германской социал-демократической партии, которая в настоящее время является наследницей имений Бармата. Такие условия, как передача вместе с островом безработных рейхсканцлеров или отвергнутых делегатов, в качестве лакеев или садовников, совершенно неприемлемы. Мы должны усердно работать, Маша, мы должны выполнять отдаваемые нам приказы в течение нескольких часов.

Профессор сделал легкий поклон. — Мы постараемся их выполнить в еще более краткий срок — с задержкой на две минуты.

Но собранно пробежал изумленный шопот.

— Товарищи, наши упорные труды увенчались блестящим успехом. Я горжусь тем, что могу продемонстрировать перед вами мое изобретение. Я привез его в Германию для того, чтобы дать вам возможность, товарищи, так как вы должны положить начало борьбе, чтобы дать вам возможность немедленно испытать их на практике.

— Браво.

— Вы видите здесь стеклянный колокол, под которым находится крыса. Как видите, я подвожу под колокол молоточек — так. Теперь обратите внимание: вы видите, крыса бодро бежит по мрамору, через это отверстие проникает достаточное количество воздуха. Теперь я произвожу удар молоточком по стеклу. Молоточек отскакивает — раз, два, три — вы видите, крыса исчезла. Она не издохла, не задохнулась, от нее не осталось никакого следа.

— Что же, собственно, произошло? Постараюсь объяснить вам вкратце. Как вы знаете, в каждой религии, в сказках и легендах, мы часто сталкиваемся с волшебным словом. Если его произнести, оно может навлечь на человека смерть или вернуть ему жизнь, принести ему счастье или несчастье. В основе этой легенды лежит самая реальная действительность; однако, самый секрет затерялся в тысячелетиях. Дело заключается вот в чем. Каждый звук образуется из звуковых волн; эти волны могут быть различной плотности и силы, помимо этого они могут оказывать различное действие на окружающую

их среду, в зависимости от того, в какое слово соединяются отдельные звуковые элементы. Если найти правильное соединение звуков, возникают звуковые волны, которые могут совершенно разрушить живой организм. Материя разлетается, тело распадается на свои составные атомы и распускается в воздухе, как сахар в воде.

— Следовательно, вы нашли такое разрушительное соединение? — спросил Бьянки.

— Конечно.

— Действует ли оно на все живые существа определенной местности или только на определенные личности? И на каком расстоянии?

— Расстояние зависит от силы, с которой произносится слово. Я полагаю, что можно будет сконструировать такие аппараты, такие громкоговорители, которые смогут рассылать разрушительные звуковые волны на расстояние от ста до ста пятидесяти километров. Один из таких аппаратов уже прибыл в Берлин и будет скоро пущен в действие. Что же касается действия, то оно распространяется на всех людей, за исключением работников ручного и умственного труда, и вне всякой зависимости от величины состояния. Совершенно смертельно действует такое слово на директоров банков, министров, фабрикантов, акционеров, короче говоря, на всех, у кого подвергся дегенерации самый состав мозга и селезенки, вследствие их образа жизни. Дегенерация селезенки и мозга — это важнейшее условие для успеха нашего эксперимента.

— А слово? Что это за слово?

— МАДЗУ.— тихо произнес профессор.— Это значит по-индусски — кролик.

Несколько минут царило молчание.

— Надо помнить самое существенное: от них не остается никакого следа,— заметила женщина, пришедшая вместе с рабочими, и ее лицо покрылось легким румянцем, а губы задрожали от волнения.

— Совершенно верно,— подтвердил Бьянки,— не остается никакого следа. Действие слова распространяется не только на живые существа, но и на предметы. Теперь, после того, как это уже совершено, я довожу до вашего сведения, что с помощью нашего нового изобретения, мы из'яли из германской государственной казны деньги, от которых, как известно, ничего не осталось. Поэтому, я полагаю, что мы можем предложить нашему владыке руководителю назначить послезавтра решительное сражение. Мы не хотим дольше ждать. Все на посту. Остальные приготовления можно закончить в двадцать четыре часа.

Макс больше не слушал. Он вынул уже известный нам желтый кошелек, который он постоянно носил при себе, как и все члены отряда, положил его на стол и вынул маленький, тонко-сделанный радио-аппарат, с помощью которого немедленно передал принятые резолюции наиболее значительным союзным отрядам вплоть до Индийского, Гренландского и островов Огненной Земли. Остальные члены собрания последовали его примеру, с той только раз-

ницей, что установили свои аппараты для приятия радиogramм. Через несколько минут отовсюду пришли извещения, что телеграмма получена. Только жители островов Огненной Земли выразили сожаление по поводу того, что при указанном способе уничтожаются самые тела казненных. Они бы предпочли не изменять древним обычаям и зажарить их на бифштексы.

Макс поднялся со своего места: — Я объявляю заседанием закрытым. Каждый товарищ возвращается к своей работе.

Вдруг раздался яростный стук. Кто-то мерно колотил в запертую дверь.

Все вскочили. — Антон! — вскричала Маша.

Бьянки открыл дверь. Ковыляя, горбун вошел в комнату. Пена вокруг рта, от пота волосы прилипли ко лбу, и глаза вылезли из орбит, как у помешанного. Он несколько раз принимался говорить, но у него не хватало дыхания. Наконец, он забормотал:

— Предательство! Собака, государственный советник! Наше убежище раскрыто! — Он лишился чувств.

Первой пришла в себя Маша. — Торопитесь! — крикнула она, — приготовьте летающий автомобиль! С его помощью нам удастся спастись.

Маша бросилась к зеркалу, натянула маску и снова превратилась в молодого робкого индуса. Она схватила маленький чемодан, торопливо раскрыла его — большим прыжком кролик выскочил из чемодана. Она хотела его поймать, он ускользнул,

дверь не была плотно прикрыта, кролик исчез. Маша бросилась за ним — его и след простыл.

Бьянки опустился на стул. — Теперь мы пропали, — прошептал он. Он ударил кулаком по столу: — не этого мы ждали, мы не сдаемся. Мы еще поборимся. Они так легко от нас не отделаются!

Он снял свои роговые очки, поставил их на пол — они превратились в лифт. (теперь читателю ясно, для чего все коммунисты носят роговые очки) — и исчез в бездну вместе со своими сообщниками.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БОГАТОЕ ПОСЛЕДСТВИЯМИ.

Было половина одиннадцатого вечера, когда руководитель и главный начальник по борьбе с Чека, действительнейший высочайший тайный советник Ландфогт закончил просмотр протоколов. Он зевнул несколько раз, закурил папироску, чтобы успокоить нервы после чтения волнующих рапортов о новых планах государственного переворота, замышляемого коммунистами, облокотился на спинку стула. Он почувствовал страшную сонливость, страшную усталость — и погрузился в сон. Когда он пришел в себя, вокруг него была полная тьма. Он инстинктивно протянул руки вперед, где должна была находиться настольная лампа, его руки коснулись чего-то холодного, мокрого, как-будто стены погреба. Вдруг он заметил, что лежит на земле. Он вскочил на ноги, начал шарить по карманам, ища спички, зажег их и с удивлением убедился в том, что находится в большом погребе. Как он сюда попал?

Несомненно, всякий другой на его месте растерялся бы от ужаса; но Ландфогт не даром завоевал себе репутацию самого храброго, неустрашимого и хладнокровного полицейского в Европе, *подготовленного ко всяким случайностям*. Это дело рук коммунистов! Это было первое, что пришло ему в голову. Этим соображением Ландфогт лишний раз доказал свою блестящую находчивость, которая ему никогда не изменяла. Он начал насвистывать первые два такта своей любимой песенки «Гакенкрейц в Штальгейме» и вскоре перешел на мотив еврейской свадебной, погрузившись в сентиментальные воспоминания о своей родине.— Сейчас мы примемся за дело,— подумал Ландфогт и звучно сплюнул.— Я не я! — Он ощупью нашел дорогу и, наконец, достиг двери. Она оказалась запертой.

Но и это неприятное открытие не лишило его присутствия духа. Он вынул из кармана жилета маленькую гранату, которую он всегда носил при себе для таких случаев. Он вложил шашку в замочную скважину, прикрепил к ней фитиль и поджег его. Прошло несколько секунд, раздался страшный взрыв, тяжелая железная дверь разлетелась на мелкие куски, как гнилое дерево. Ландфогт увидел лестницу, ведущую наверх. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как к нему бросилась толпа агентов и полицейских. Погреб, в котором он проснулся, оказался погребом управления. Он посмотрел на часы: с того времени, как он

заснул наверху в своей комнате, прошел ровно час.

В течение нескольких минут Ландфогт узнал обо всех необычайных, волнующих событиях, которые произошли за этот час в Берлине. Он немедленно наметил план действий.

Он велел принести в свою комнату труп неизвестного, найденного на Вильгельмштрассе, и вызвал по телефону самых известных в Берлине судебных врачей для того, чтобы они произвели освидетельствование трупа. Вскоре они приехали и сосредоточенно принялись за дело. Но минуты текли за минутами, в течение получаса врачи выстукивали труп и осматривали его со всех сторон — но не могли установить причину смерти. Труп был перевезен в анатомический институт; было произведено вскрытие под руководством профессора Х. Вскрытие тоже не дало никаких результатов. Удалось только установить, что смерть произошла несколько часов тому назад. Больше ничего. Личность убитого осталась невыясненной. Самым загадочным было то, что глаза трупа были все также широко раскрыты, и вокруг перекошенного рта застыла ужасная улыбка. — В тот момент, когда он умер, он, по всей вероятности, смеялся, — сказал профессор. — Все тело искажено и сведено смехом, и все-таки нельзя установить, каким образом смерть наступила так внезапно. — Странно.

Ландфогт присутствовал при вскрытии. Он задумчиво попрощался с врачами и поехал в управление. На Фридрихштрассе он остановил автомо-

бил, вышел и отослал шофера домой. Он повернул обратно и пошел вдоль Линденштрассе по направлению к Бранденбургским воротам.

Не было никакого сомнения — это было делом рук коммунистов. Ландфогту было известно то, что в этот момент не знал еще ни один человек в Германии. Мертвец с Вильгельмштрассе был почти двадцать пятым случаем за последнюю неделю. Ландфогт хотел избежать паники и не предал огласке того, что с недавних пор по всем городам Германии ежедневно находили новые трупы. Причину смерти нигде не удалось установить; но во всех случаях был один общий признак: у мертвецов были широко раскрыты глаза, и ужасная усмешка искажала их рот.

Погруженный в глубокие размышления, Ландфогт шел вперед, не замечая пути. Он чуть не наткнулся на молодого парня, который шел за ним уже несколько минут.

— Лучший игорный дом, господин, — пробормотал мальчишка. — Осмелюсь вам предложить. Самые высокие ставки.

В Ландфогте проснулся полицейский. — Проводи меня, — сказал он.

Парень позвал извозчика. Вскоре они учутились на Тиргартенштрассе. Он остановил экипаж, свернул с Ландфогтом в боковой переулок, тихонько засвистел. Перед ними раскрылась маленькая боковая дверь знатного замка.

Лакеи в ливреях сняли с тайного советника пальто и шляпу и ввели его в игорный зал. Вокруг большого стола сидело около пятнадцати человек, различного возраста и внешности. Казалось, клуб принадлежал к числу очень приличных; мужчины были во фраках и смокингах, дамы в роскошных вечерних туалетах, сверкали и переливались бриллианты и жемчуга, и на столе шелестели большие банкноты, передвигались с одного края на другой; они выросли в небольшую горку перед одним молодым человеком, который производил впечатление иностранца и в настоящее время держал банк.

Ландфогт остановился за стулом одного пожилого господина, который, очевидно, был в большом проигрыше. Перед ним лежал на столе пустой бумажник: он передал банкомету чек на большую сумму.

— Само собой понятно, господин директор. Ваш банк имеет большие связи и пользуется полным доверием. Вы можете спокойно платить чеками на какую угодно сумму.— Молодой человек говорил с заметным восточным акцентом. Он протянул банкиру карты. Банкир вытащил девятку. Остальные игроки вздохнули с облегчением. Может-быть, теперь директору удастся выиграть.

Банкомет раскрыл карты. Девятка. — Ставка остается прежней. Вы не отказываетесь от нее?

— Нет.

Снова тянет директор. Семерка.

Банкомет — восьмерка.

— Я удваиваю — 10.000 марок.

— Пожалуйста.

Банк выигрывает.

— Двадцать тысяч марок.

— Пожалуйста.

Банк выигрывает.

Остальные игроки столпились вокруг директора и следят с затаенным дыханием за игрой. Холодный пот выступил на лбу пожилого господина, молодой человек усмехается и предупредительно продолжает метать: 100.000, 500.000.

— Разрешите мне напомнить вам, господин директор, вы уже проиграли все ваше состояние вместе с акциями и ценными произведениями искусства.

Шатаясь, старик подымается с места. Последняя ставка — вилла в Грюнвальде и агентство в морской торговле.

— Пожалуйста.

Тасуют карты. Директор снова проигрывает.

Вдруг, по залу прокатывается ужасный, громкий хохот. Директор пошатывается, хохочет, хохочет, вертится от хохота. Его глаза выступают из орбит, он валится на пол, смеется, смеется... Гости суеются вокруг него. Молодого банкмета, — как не бывало.

Без шляпы, без пальто, Ландфогт бросается из комнаты, выскакивает на улицу. Какой-то автомобиль огибает угол. Он бежит за автомобилем, бросается в встречный автомобиль, и мчится вслед за быстро-удаляющейся машиной. На Егерштрассе

ему удастся ее нагнать. Он уже почти различает номер автомобиля, но внезапно его зрение затемняется. Ослепительная световая реклама больно бьет в глаза. Ландфогту удается разглядеть сверкающую, алую пятиконечную звезду. Как молния внезапная догадка озарила сознание Ландфогта: эмблема коммунистов! Он приказывает шоферу гнаться за летящей машиной. Он видит, как у Гаккенского рынка автомобиль въезжает в ворота здания центра коммунистической партии; вслед за этим он взлетает на воздух, как-будто его поднимают невидимые руки. Через полчаса Ландфогт спешит к крепости преступников-коммунистов в сопровождении всей берлинской полиции, вооруженного отряда боевых батальонов и легкой и тяжелой артиллерии. У полиции есть точные сведения: коммунисты укрепили крышу своего дома, как крепость, трапезнями, артиллерией и хорошо защищенными башнями.

Крепость коммунистов удалось взять в сравнительно короткое время. Это могло произойти только при условии внезапного окружения; полицейский отряд не сложил головы, как армия кронпринца под Верденом. В 6 часов, 10 минут утра дом укрепления был разрушен и взорваны двери.

Патрули обороны врываются в дом, Ландфогт предводительствует, обнаруживая чудеса храбрости. Люди шныряют вверх и вниз, обыскивают комнату за комнатой, вскрывают все шкафы — автомобиля нигде не видно. Большой стенной шкаф привлекает

внимание тайного советника. Он открывает дверцы — шкаф пуст. Он протягивает руку, чтобы его закрыть, — в глубине шкафа лежит маленькая записочка. Он хочет ее поднять, наклоняется, двери захлопываются, он чувствует, как земля уходит у него из-под ног, он попадает в ледяной воздушный поток — и погружается с страшной быстротой в бездну.

Когда к Ландфогту возвращается сознание, он находится в просторном помещении, напоминающем вокзал. Яркий свет от множества электрических лампочек. В разные стороны разбегаются пути, сигнальные лампы различных цветов и различной формы, большие манометры, динамомашины, путаница от проволоки, рычагов, брусьев. Ни души.

Ландфогт вскакивает, идет к ближайшей сторожевой будке, входит в нее. Перед ним большой стеклянный поднос. На стекле он видит улицу, которая ему страшно знакома. Река отражает деревья, сквозь стекло видна городская сутолока, снуют люди и экипажи, как в зеркале телескопа подводной лодки. Вдруг его осеняет мысль, что за стеклом Ландверский канал. Приближаются голоса, Ландфогт прячется за косяк.

— Товарищ комендант, подводная флотилия IV и V, в количестве двенадцати лодок, готова к отплытию.

— Хорошо, флотилия спустится в канал только в полночь. Как обстоит дело с батареями?

— Батареи артиллерии I и II установлены на крыше

Розенталерштрассе. Место прицела — рейхстаг.

— Хорошо. Лозунг?

— Месс Менд.

— Месс Менд.

Тайный советник решается вытянуть шею и взглянуть на говорящих. В зале молодой банкомет из игорного дома — женщина.

— Летающий автомобиль готов к отбытию в Штуттгарт,— говорит горбатый человек. Оба исчезают.

Ландфогт решается выйти из своей засады. «Штуттгарт,— думает он,— там можно их захватить». Но как найти выход из этого подземного лабиринта? Он бежит взад и вперед по проходам, спотыкается о шины и проволоку, бежит за угол и наталкивается на горбуна. Впервые в жизни он испытывает нестерпимый ужас. Нет спасения! Горбун уже настигает его, он замечает дверцу в стене. Открыть ее и бежать — дело одной секунды. Перед ним зияет отверстие широкой трубы. Другого хода нет; он залезает в трубу, тесно прижав к туловищу руки и ноги. Снова он попадает в воздушный поток, который с страшной быстротой увлекает его наверх. Труба расширяется, его ослепляет яркий свет, в трубу врывается вода — он плывет, отдузаясь и отплевываясь, по Ландверканалу.

НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ.

Дождь, стихший на рассвете, усилился к десяти часам утра. Резкий нордост гнал с моря тяжелые, черные тучи и скоро перешел в жестокий шторм.

В полицейском управлении шла лихорадочная работа. Курьеры бегали взад и вперед, телефон работал, радиограммы летели на пограничные станции, начальник обороны подял на ноги все военные силы страны. Высшее командование велось Ландфогтом, который едва успел переменить мокрую одежду.

Надо осушить Ландверский канал! Это было его первой мыслью. Он совершенно правильно рассчитал, что противник развернет свои операции раньше намеченного времени, так-как готов к ожесточенной борьбе, и знает, что его планы раскрыты. Между тем, надо было какой угодно ценой предотвратить спуск подводных лодок в канал — в самом центре Берлина. Значительные, объединенные силы работали по осушению канала. Ландфогт, получивший титул высшего государственного советника за свои смелые и плодотворные предложения в деле

розысков, непосредственно вслед за тем, как его выудили из воды,—Ландфогт руководил осадой Штуттгарта.

Во время приготовлений он получил радиogramму от штуттгартской полиции:

«Отделение I А Берлин. Захвачен белый кролик редкой породы стоп Исследование анатомического института устанавливает помесь ангорской кошки и полевого зайца стоп Институт признал кролика бациллоносителем стоп Вскрытие даст возможность обнаружить новую неизвестную бациллу, очень опасную стоп Зараженных охватывает смертельная болезнь смеха стоп Бацилла носит название *ridens seckli* стоп».

Дело близилось к развязке. Оставалось найти автомобиль.

Ландфогт потребовал, чтобы его соединили с Фридрихсгафеном. К счастью, цеппелин был готов к полету. Несмотря на сильный шторм, комендант решил сам отправиться в погоню за летающим автомобилем. Одновременно поднялись два аэроплана. Они должны были перерезать путь через границу летающему автомобилю.

Десять часов, 50 минут. Борьба начинается. Сквозь дождь и шторм, цеппелин и аэропланы прокладывают себе дорогу в Штуттгарт. Через час оцеплена вся местность вокруг Штуттгарта. Никаких следов автомобиля. От начальника обороны Штуттгарта приходят донесение, что следы кролика привели полицейскую собаку в одну из комнат

отеля «Маркарт», в которой утром остановился индусский профессор, к которому приходили подозрительные личности. Профессор и гости исчезли. Они не могли далеко уйти.

Вскоре из Мюнхена приходит сообщение, что в окрестностях Розенгейма прошел с небывалой скоростью красный автомобиль. Направление — австрийская граница. Таким образом, попали на верные следы. Погоня началась.

Разгорелся фантастический, ужасный бой. Противник знал, что его ждет, если он будет пойман, — и боролся не на жизнь, а на смерть. Храбрые авиаторы, рискуя жизнью, творили чудеса. Вскоре аэропланы нагнали летающий автомобиль, цепелин преградил ему путь, открыв по нем орудийный огонь. Автомобиль сделал попытку спастись бегством. Он взметнулся ввысь, сверкающей каметой, но его настигли аэропланы, открыли по нем стрельбу, и, не прекращая преследования, взвились за ним в высоту. Тысяча метров, — две тысячи, — побит мировой рекорд, но бегство продолжается все выше и выше. Вдруг автомобиль срывается вниз. Авария? — Хитрый маневр, автомобиль пытается ускользнуть незамеченным под аэропланами. Это приводит его к гибели. Лейтенант Мюллер, из воздушного отряда 10, выдающийся авиатор мировой войны, меняет направление, аэроплан камнем падает вниз, на расстоянии ста метров от земли переходит в ровный полет — тяжелая бомба — превосходный прицел — косит автомобиль. Прекрасный стрелок! Автомобиль

тщетно пытается продолжать полет — все напрасно. Когда аэропланы спускаются и солдаты окружают автомобиль — он пуст. У руля сидит кукла — автомат. Легко догадаться, что ею руководили по радио. Преступники скрылись.

Ландфогт держит в руках радиogramму о результатах погони. По его мужественному красивому лицу скользит горькая улыбка.

Теперь в рейхстаге ведется дело 139-ти. Комиссия под личным председательством канцлера по розничной продаже пива и действительнейшим, наивысочайшим тайным советником Ландфогтом в качестве секретаря. Комиссия состоит из 311-ти человек и должна, наконец, научно разработать способ обезвредить Месс Менда и его отряд Чека.

Вышедшие книжки Библиотеки „Огонек“.

МИХАИЛ ПРИШВИН

СМЕРТНЫЙ ПРОБЕГ

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 11
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСКОВСКИЙ РАЙОН • МОСКВА

Л. В. ЗАНКОВ

НАУКА О ПОВЕДЕ- НИИ ЧЕЛОВЕКА

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 13
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСКОВСКИЙ РАЙОН • МОСКВА

АНДРЕЙ СОВОЛЬ

КИТАЙСКИЕ ТЕНИ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 14
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСКОВСКИЙ РАЙОН • МОСКВА

ЮРИЙ СОБОЛЕВ

НОВЫЙ ЧЕХОВ

МАТЕРИАЛЫ •
ДОКУМЕНТЫ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 12
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОГОНЕК“
МОСКОВСКИЙ РАЙОН • МОСКВА

ЦЕНА 15 коп.

3949

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ „ОГОНЕК“

Еженедельно ОДНА книжка:

1 мес.—50 к., 3 мес.—1 р. 50 к., 6 мес.—3 р., 1 год—5 р.

Еженедельно ДВЕ книжки:

1 мес.—1 р., 3 мес.—3 р., 6 мес.—5 р., 1 год—10 р.

А Д Р Е С:

Москва, Тверская, Благоевский пер., д. 3, телеф. 4-80-08.

Издательство „ОГОНЕК“.